

Предисловие

«Миссия выполнима» – такое название имел первый белорусско-эстонский сборник научных статей, вышедший в свет в 2018 г. Перефразированное название популярного фильма «Миссия невыполнима» прекрасно соответствовало содержанию издания, которое продемонстрировало возможности фольклористики управляться с пестротой современных информационных потоков, представлять разносторонние исследования в области языка и мышления, традиционных и новых фольклорных форм, раскрывая разные грани человеческого бытия.

Сотрудничество фольклористов обеих стран было продолжено, проведен ряд совместных встреч и семинаров. Очередным итогом такого академического диалога стала и настоящая книга, представляющая разные аспекты изучения текста, взаимосвязей устной и письменной традиций, архаического и современного, универсального и национального. Материалы и выводы авторов статей вносят заметный вклад в создание надежного каталога всех проявлений творчества в рамках традиции, но еще более способствуют осознанию особенностей своей культуры в сравнении с иными, как соседними, так и более отдаленными в границах Европы. Диалог разных научных школ позволяет по-новому взглянуть на привычное, в отдельных фактах увидеть тенденции развития целого. Сотрудничество фольклористов интересно вдвойне – это не просто обмен опытом, но и рассмотрение своей культуры в зеркале другой.

Открывают сборник статьи, посвященные наиболее архаичным фольклорным жанрам – заговорам. Однако на этот раз в центре внимания ученых находятся примеры использо-

вания по традиционным схемам цитат и образов из Библии, апокрифов. Так, в работе Маре Кыйва «Молитва и заговор. Библейские мотивы и образы в заговорах» исследуется, какие библейские цитаты применялись в функции заговоров, причем какие из них – более-менее дословно, а какие – в виде аллюзий или в составе парадигматических притч. В эстонской традиции в общей сложности в качестве заговоров использовано 33 стиха из Ветхого и Нового Завета, прежде всего для врачевания. Особое внимание уделено контаминациям и специфически эстонским сюжетам.

Эта же тема продолжена в исследовании Татьяны Володиной «*Historiola* в белорусских заговорах: приоритеты и региональная специфика», где уже на белорусских примерах прослеживается реализация одной из важнейших и популярных тактик магического текста – обращения к историоле (*historiola*). Сущность *historiola* заключается в апелляции к прецедентным ситуациям, а в качестве нормативного образца в европейской, и белорусской традиции в частности, наиболее весомым выступает рассказ о чудодейственной помощи Христа или его сподвижников. В статье представлен ряд особенно ярких реализаций данного магического приема (обращение к мотивам рождения Христа, крещения, Его ран, распятия и воскресения и др.).

Среди разнообразных «поворотов», с которыми столкнулись гуманитарные науки с начала нового тысячелетия, наиболее заметным было обращение к биоцентризму. Это часть обширного эпистемологического сдвига в гуманитарных науках, когда особое место отводится культурной экологии, существовавшей в народной традиции. Фольклор часто пересказывает истории через образы, которые мы можем увидеть также в нарративах о фараонах, рассмотренных Еленой Боганевой и Маре Кыйва в статье «Образы фараонов по текстам архива Эстонского литературного музея в контексте славянских и финно-угорских верований». Обширный материал о фараонах из архива Эстонского литературного музея, большая часть которого не была опубликована, системно представленный в категориях описания мифологических персонажей, вводится в научный оборот впервые.

Статья Сергея Грунтова предлагает новый взгляд на сельские кладбища, которые одновременно принадлежат белорусской народной культуре, но в то же время выходят за ее границы. Случаи таких выходов чаще всего трактуются как исключения, а потому оказываются вне фокуса исследовательского внимания. В статье, наоборот, основное внимание уделяется примерам таких исключений. Анализ их предлагается рассматривать как возможность для расширения не только нашего понимания кладбищ, но и как составляющую самого методологического инструментария, находящегося в арсенале народоведческих наук. То, как высказанные идеи могут быть реализованы, представлено в двух развернутых примерах. В первом прослеживается восприятие надгробий семейного дворянского кладбища в сознании носителей белорусской народной культуры. Во втором показывается, как нарубы, надгробные деревянные домики, обычно воспринимаемые как яркий и знаковый элемент народной культуры, находят свои аналоги и развитие форм и в захоронениях привилегированных сословий XIX в., и на еврейских кладбищах.

Эда Калмре обращается к необычайно увлекательному, хотя и довольно зловещему, материалу народной прозы — преданиям о мнимой смерти. Опираясь на широкий жанровый спектр воплощения мотива мнимой смерти, начиная со сказок и преданий с романтическим мотивом и заканчивая байками, слухами, балладами и шутками, автор прослеживает исторические моменты формирования связанной с этим мотивом традиции. Исторические корни рассказов о мнимой смерти уходят в античность и, вероятно, основываются на каких-то реальных событиях. Однако формирование и распространение сказочных сюжетов на эту тему в Европе относится к эпохе Просвещения. Появление и развитие данной тематики в Европе в XVIII–XIX вв., в том числе и Эстонии, связано с медициной и религиозными практиками, книгопечатанием и литературным творчеством. Автор заостряет внимание на том, как мотив традиционных народных сказок, закрепившийся в придуманном мире, распространился и на реальный мир преданий, где все происходит «на самом деле» и с «конкретными» людьми. Важно и то, как многие, связанные

со смертью, предания скрывают в себе конфликт христианской религии и дохристианского мировоззрения.

Маре Калда проанализировала легенды и предания о кладах в эстонском фольклоре – Архиве народного творчества Эстонии – и выделила три главных направления, согласно их связи с действительностью. Во-первых, рассказы, основанные на каком-либо факте, реальном событии, которое имело место, например археологическая находка; во-вторых, рассказы, являющиеся частью местных исторических и топонимических преданий и представляющие местную ментальную географию; в-третьих, рассказы, не привязанные к конкретным местам, т. е. не использующие местные религиозные представления и убеждения, например о том, какой может оказаться действительная цена экономического роста, с какими последствиями столкнется человек, если ему «улыбнется» удача, какие опасности (включая сверхъестественные санкции) угрожают людям, какие последствия ожидают при соприкосновении с сокровищами неизвестного происхождения. В статье представлен увлекательный мир столь популярного практически у всех народов Европы сюжетного фонда.

Исследование традиционной несказочной прозы продолжает Инна Швед, избрав в качестве объекта анализа типологические параллели в сфере семантики и функциональности образа кукушки. Методологически существенным стало обсуждение типологических параллелей белорусского фольклора с инославянским, а данном случае – тувинским. В результате сравнительного анализа установлено, что в обеих традициях мифологизация кукушки обусловлена представлениями о необычной биологии этой птицы – не делает гнезда, не высиживает яиц, не кормит птенцов, предпочитает одиночество, хотя держится скрытно, но громко и вместе с тем жалостно кукует, в полете напоминает ястреба. Отмечается и характерная для рассматриваемых традиций амбивалентность восприятия кукушки.

Андрес Куперьянов на основании материала фольклорного архива Эстонского литературного музея рассматривает нарративы, связанные с деревьями, прежде всего этиологические легенды. Автор замечает, что на протяжении веков

они представляли собой симбиоз народного христианства и христианского священного предания и потому находились на периферии фольклористики XX в. Но ведь именно в этом типе преданий важную роль играют меж- и транскультурные взаимоотношения. В статье приводится ряд эстонских легенд, пересказанных по-русски.

Статья Ирины Смирновой «Типологические параллели в обрядах переноса Свечи у белорусов и почитания бога Пеко у сету» посвящена сопоставлению белорусского обряда «Свеча» и родового культа Пеко у народности сету. Впервые подробно исследуются типологические параллели белорусского и сетуского обрядов, характеризуются основные обрядовые предметы (антропоморфная Свеча и фигурка Пеко), связанные с ним действия и представления. Автор делает акцент на консервации этими обрядами основного содержания дохристианских культов огня и домашнего очага, предков-покровителей, обеспечивающих благополучие семьи, урожай и достаток живущих.

Следующий блок статей посвящен более «молодым» темам народного творчества, в значительной степени обусловленным социальным контекстом.

Лииси Лаинесте, Анастасия Федотова и Тынно Йонукс проводят сравнительное исследование эстонских и белорусских шуток про духовенство. Различие условий возникновения шуток и анекдотов в обеих странах указывают на некоторые закономерности в их функционировании. В статье представлен общий обзор комического дискурса, затрагивающего клир в Эстонии и Беларуси, установлена его зависимость от соответствующих политических, культурных и идеологических тенденций в разные эпохи. Соответствия многим из шуток в классификации Аарне-Томпсона указывают на то, что они формируются не только локальными условиями, но и подчиняются более общим законам. Данное междисциплинарное исследование продемонстрировало продуктивность модели анекдотов, предложенной Кристи Дэвисом (центр – периферия, соревнование – монополия и модели преобладания духовного над телесным).

Пирет Воолайд обстоятельно исследует символику цвета в эстонских загадках: собственно лексику цвета, частотность

употребления наименований цвета, их взаимосвязь, а также использование в конструировании символов при создании образного языка. Статистический анализ наименований цветов в классических загадках основывается на данных корпуса эстонских загадок «Eesti mõistatused». Поскольку в тропе классической загадки отражен в основном внешний облик загаданного объекта, его познаваемые посредством органов чувств особенности, наименования цвета самым непосредственным образом участвуют в создании образного языка этого фольклорного жанра. Цвет описывает внешние признаки загаданного объекта путем метафорического переноса устоявшихся клише в качестве структурного элемента.

К проблемам функционирования народного творчества в современной Беларуси обратилась Татьяна Мармыш, проанализировав угрозы институционализации народного творчества в Государственном списке историко-культурных ценностей Беларуси. Включение отдельных элементов в данный список способствует не только принятию мер по его сохранению со стороны государства, но и обуславливает появление различных угроз. Среди последних автор выделяет следующие: конструирование модели национальной культуры посредством расширения списка, коммодификация и коммерциализация народного искусства, деконтекстуализация, изобретение традиций, конкуренция регионов, искаженное понимание проблемы аутентичности проявлений народного искусства как нематериального культурного наследия.

Елена Павлова в статье «Основные аспекты этнокультурной деятельности белорусов, проживающих в Эстонии» на основании собственных полевых исследований белорусской диаспоры в г. Тарту, Маарду, Таллинне, Нарве, Йыхвы в 2017–2019 гг. описывает наиболее яркие формы фольклорного творчества, продолжающие свое бытование среди белорусов Эстонии.

Почти все тексты сборника раскрывают какую-то одну конкретную эмпирическую тему из сферы представлений и верований, приоткрывая разные аспекты мифопоэтической картины мира двух этносов. Контрапунктом же к этой увлекательной мозаике выступает теоретическое исследование

Юрия Патюпо, раскрывающее традиционную, но до сих пор еще дискуссионную тему отношения стиха и напева. Это фактически небольшая монография, которая если и не ставит точку в вечном споре филологов и музыковедов, то по крайней мере синтезирует различные исследования в этой области, а также предлагает ряд новых подходов к данной теме. Автор анализирует проблему системно, всесторонне, с учетом истории вопроса и его нынешнего состояния. Хотя в работе подчеркивается, что исследование ведется исключительно со стиховедческих позиций, но, надо полагать, оно будет интересно народоведам разных направлений, в том числе и музыковедам, ведь народная песня всегда была в центре внимания фольклористики.

Изучение фольклорного творчества в европейском контексте позволяет углублять научные исследования, а также включать их в решение таких важных проблем, как поддержка традиционной системы ценностей и укрепление этнической идентичности в наших странах, что будет способствовать устойчивому развитию общества. Более полный обмен информацией поспособствует формированию у наших народов норм и ценностей, отвечающих требованиям цивилизации XXI столетия.